

ХРИСТИАНСКИЙ ФИЛОСОФЪ ТАТИАНЪ.

Св. Iустинъ, какъ извѣстно, основалъ въ Римѣ «катиxи-лическую школу». Нѣтъ сомнѣнiя, что въ этомъ училищѣ, такъ показывается скромное названiе его, главными предметами занятiй были: изъясненiе св. писанiя и изученiе догматовъ христiанской вѣры. Но если взглянуть по вниманiю образъ мыслей основателя этого училища, и тѣ обстоятельства, при которыхъ оно основано, то можно думать, что въ числѣ предметовъ, включившихъ въ кругъ образованiя, занимала не послѣднее мѣсто философия. Iустинъ всегда былъ той мысли, что истина не можетъ быть достигнута безъ философи, что стремящiйся къ истинѣ долженъ собирать сѣмена ея, разсѣянныя по всѣмъ философскимъ системамъ. Необходимость этой науки для христiанъ особенно ощутительна была въ его время, когда главными врагами христiанства были философы. Противопоставить этимъ врагамъ защитниковъ вѣры, вооруженныхъ однимъ рели-гознымъ образованiемъ, значило подвергать ихъ явной опасности быть пораженными. А потому не безъ основанiя полагаютъ, что Iустинъ занимался въ своемъ училищѣ не только преподаванiемъ философи, но и разборомъ замѣчательнѣйшихъ философскихъ системъ ¹⁾. Это предположенiе становится еще

¹⁾ Если бы существовало мнѣнiе, что Iустинъ писалъ опроверженiе Аристо-тели, то это говорило бы конечно по тому, что онъ занимался предметомъ, имѣвшимъ большое значение въ то время.

болѣе вѣроятнымъ, если вспомнимъ, что въ училище Іустина нерѣдко поступали люди изъ языческихъ философскихъ школъ. Такимъ былъ Татіанъ, достигшій христіанства тѣмъ же путемъ, какимъ достигъ Іустинъ.

Въ 140 г. Татіанъ оставилъ свое отечество, Ассирію, и отправился путешествовать по разнымъ образованнымъ странамъ, желая обогатить свой умъ полезными свѣдѣніями. Его вниманіе прежде всего останавливается на Греціи, и онъ попеременно посѣщаетъ замѣчательнѣйшія школы ея, занимаясь изученіемъ «риторическаго» искусства. Но греческая словесность съ ея литературов не могла удовлетворить ума Татіана, жаждавшаго высшихъ истинъ и нравственной пользы просвѣщенія. И вотъ онъ рѣшается изучить системы философовъ, религіи и религіозную жизнь народовъ. Но присмотрѣвшись къ философамъ, Татіанъ былъ пораженъ несогласіемъ, которое царствовало между ними при рѣшеніи самыхъ важныхъ вопросовъ науки и жизни. «Философы», пишетъ онъ, «противорѣчатъ сами себѣ и болтаютъ, что каждому прійдетъ на умъ. Много у нихъ распрей; одинъ другаго ненавидитъ; спорятъ между собою во мнѣніяхъ»¹⁾. Изслѣдовавъ всѣ роды богопочтенія язычниковъ и ихъ мистеріи, онъ исполнился отвращенія къ языческимъ таинствамъ, которыя показались ему въ высшей степени пустыми и безнравственными. Разочарованный Татіанъ отправляется въ Римъ, съ полной надеждой, что въ этомъ центрѣ просвѣщенія онъ обогатитъ свой умъ вѣрными свѣдѣніями. Но Римъ представляетъ ему тѣже мерзости, и притомъ еще въ большихъ размѣрахъ. Татіану страннымъ кажется особенно то, что философія, которая—можно сказать—привела его къ сознанию необходимости лучшаго богопочтенія, вовсе не имѣетъ подобнаго дѣйствія въ столицѣ міра, что она не только

¹⁾ Рѣчь противъ грековъ гл. 3.

не исправляетъ, но даже портитъ нравы. Безнравственность язычниковъ, и—что всего важнѣе—наставниковъ ихъ и руководителей, т. е. философовъ, исполняетъ его душу страшнымъ негодованіемъ. Ложныя и безнравственныя преданія о жизни боговъ, отвратительныя игры атлетовъ и гладіаторовъ, бывшія слѣдствіемъ нелѣпнаго ученія о богахъ, глубоко возмущали его нравственное религиозное чувство.

Во время такого неспокойнаго состоянія духа, попалась ему въ руки книга св. писанія ветхаго завѣта. Простота и безыскусственность ученія ея о твореніи міра, возвышенныя идеи о единомъ Богѣ, чистота нравственныхъ правилъ и т. п. до такой степени поразили Татіана, что онъ рѣшился сдѣлать еѣ своей руководительницей. «Въ то время,—пишетъ онъ,—когда мой умъ разсматривалъ все лучшее, я началъ на одиѣ книги варварскія, которая дренѣе всѣхъ греческихъ ученій, и столь божественна, что не могутъ быть сравнимы съ ихъ заблужденіями; и я пообрать эти книги, но простотѣ ихъ рѣчи, безыскусственности писателя, удобопонятности объясненія всего творенія, предвѣдѣнію будущаго, превосходству правилъ и наконецъ ученію о единомъ Властителѣ надъ всѣмъ. Итакъ душа моя, сразумленная Богомъ, поняла, что одиѣ книги влекутъ за собою осужденіе, а другія разрушаютъ рабство и даютъ намъ то, что мы хотя получили пѣкогда, но не сохранили. Будучи просвѣщенъ познаніемъ ихъ, я рѣшился отвергнуть языческія идолаженія, какъ дѣтскія бредни.. Изъ этихъ книгъ я узналъ Бога и Его твореніе, и готовъ предстать предъ вами для изслѣдованія ученія, и неизмѣню своимъ убѣжденіямъ касательно Бога (1).

Покоренный величественной простотой священныхъ книгъ, Татіанъ хотѣлъ присмотрѣться къ жизни тѣхъ людей, кои

слѣдовали евангельскимъ правиламъ, и увидѣлъ совершенно противоположное жизни языческой. Удивительная честность и прямодушіе христіанъ, ихъ братская любовь и вѣрность, удаленіе славы и почестей міра; пламенные молитвы, которыя они возсылали къ Богу въ пещерахъ и вообще уединенныхъ мѣстахъ, наконецъ ихъ геройская рѣшимость пролить свою кровь за вѣру и добродѣтель,—до такой степени плѣнили душу Татіана, что онъ рѣшился сдѣлаться христіаниномъ. Вступивъ на новый путь жизни, Татіанъ избралъ своимъ руководителемъ христіанскаго философа Іустина, который своими апологіями въ защиту христіанъ и своими диспутами съ учеными врагами христіанства, приобрѣлъ общее вниманіе и уваженіе.

Раздѣляя съ своимъ наставникомъ его труды и несчастія, онъ сдѣлался, какъ думаютъ, и преемникомъ его по управленію христіанской школой. По крайней мѣрѣ извѣстно, что церковный писатель 2-го вѣка, Родонъ, учился въ Римѣ у него ¹⁾.

Татіанъ, какъ увидимъ, не остался вѣрнымъ своему обѣщанію «не измѣнить убѣжденій о Богѣ». Подъ конецъ жизни онъ присталъ къ гностикамъ, и сдѣлался представителемъ еретической секты «энкратитовъ». Но до своего обращенія съ пути истиннаго, онъ занимать почетное мѣсто между христіанскими апологетами, и доказательствомъ служить его «рѣчь противъ грековъ» (единственное сочиненіе Татіана, дошедшее къ намъ въ цѣлости), которою пользовались, какъ образцомъ, древніе христіанскіе писатели, напр.: Аѳинагоръ, Климентъ аѳинск., Тертуліанъ.—Напрасно хотять видѣть въ этой рѣчи зародыши тѣхъ заблужденій, которыми Татіанъ въ послѣдствіи запятналъ себя. Церковные писатели 4-го вѣка, подобные Евсеію, Іерониму, сильно порицали мысли и дѣйствія Татіана

¹⁾ Euseb. Hist. V, 13.

въ послѣдний періодъ его жизни. Они не преминули бы сказать что-нибудь и противъ его апологіи, если бы находили въ ней еретическое ученіе; но они—напротивъ—почитають ее лучшимъ и полезнѣйшимъ изъ всѣхъ произведеній Татіана» ¹⁾).

Взглядъ Татіана на философію.

Татіанъ не такъ снисходительно разсуждаетъ о языческой философіи, какъ разсуждалъ учитель его, св. Іустинъ. И св. Іустинъ доказывалъ, что греческіе философы многое заимствовали у варваровъ; но въ тоже время былъ убѣжденъ, что слово Слова не осталось безплоднымъ въ мірѣ языческомъ, не смотря ни на противодѣйствіе темныхъ силъ. Вѣра въ безсмертіе, будущія награды и наказанія, по его мнѣнію, всегда существовали въ родѣ человѣческомъ и прерисполагала людей къ принятію христіанскаго ученія. Но Татіанъ дышетъ ненавистію ко всему нехристіанскому. Платонская литература представляется ему изображеніемъ духа тьмы, твореніемъ діавола, который упалъ съ неба до скота. Онъ нападаетъ не только на политеизмъ и толковую философію, но и на все славное прошлое Греціи. Ему кажется, что языческіе мудрецы все уренили у варваровъ, и рѣшительно не умѣли воспользоваться похищенною вещію; и потому сравниваетъ Грецію съ вороной, украшенной павлиньими перьями. Словомъ, онъ хотѣлъ бы, какъ выражается Прессансе ²⁾, «вырвать съ корнемъ язычество, какъ дерево приносящее ядовитые плоды, особенно же вредный и ядовитый плодъ познанія, который философы, служители змія, представляютъ человѣчеству для его погибели».

Но не должно придавать большаго значенія этимъ грубымъ мыслямъ Татіана; потому что онѣ были плодомъ го-

¹⁾ Hist. Univ. De Const. 47.

²⁾ Qu'est ce que c'est que l'athéisme 1V, 256.

рячности его темперамента, слѣдствіемъ неудачъ, несчастій, разочарованія. «То, что мною изложено», пишетъ онъ, «я узналъ не отъ другихъ: я путешествовалъ по многимъ странамъ, самъ занимался въ качествѣ софиста вашими науками, изучалъ искусства и различныя изобрѣтенія. Я не стараюсь, какъ обыкновенно дѣлаютъ многіе, подтверждать свои мысли чужими мнѣніями; но излагаю то, что самъ видѣлъ и узналъ¹⁾. Ваши книги подобны лабиринтамъ, а читающіе ихъ—бочкѣ Дашаидъ. Вы, раздѣляя мудрость, сами удалили себя отъ истинной мудрости. Бога вы не знаете; и споря между собою, сами непроверяете другъ друга. Поэтому все вы ничто; хотя присвоите себѣ даръ слова, но разсуждаете, какъ слѣпой съ глухимъ»²⁾.

Но не смотря на свою ненависть къ языческой философіи, Татіанъ любилъ философствовать, и метафизическая часть его апологіи имѣетъ весьма близкое отношеніе къ сочиненіямъ Іустина. Въ этой апологіи онъ высказываетъ глубокое уваженіе и даже удивленіе къ своему наставнику³⁾, и не только старается развивать его философскія мысли, но даже только на эти мысли и обращаетъ особенное вниманіе.

Ученіе Татіана о Богѣ и отношеніи Его къ міру.

«Богъ нашъ не получилъ начала во времени, потому что Отецъ одинъ безначаленъ и Самъ есть начало всего. «Богъ есть Духъ» не живущій въ матеріи, но Создатель вещественныхъ духовъ и формъ матеріальныхъ; Онъ невидимъ и неосязаемъ, ибо Онъ самъ виновникъ вещей чувственныхъ и вещей невидимыхъ. Его мы познаемъ чрезъ твореніе Его, и невидимое

¹⁾ Гл. 35.

²⁾ — 25.

³⁾ — 18, 19.

могущество Его постигаемъ чрезъ дѣла Его. Господь всего, будучи вѣчною силою, прежде сотворенія міра былъ одинъ; почему же Онъ есть сила и основаніе видимаго и невидимаго, со вмѣстѣ съ Нимъ было все, съ Нимъ существовало, какъ разумная сила, и само Слово, бывшее въ Немъ. Волею Его простого существа произошло Слово, и Слово произошло не наивно, оно становится перворожденнымъ дѣломъ Отца. Оно, какъ мы знаемъ, есть начало міра. Родилось же Оно чрезъ сообщеніе, а не чрезъ отсѣченіе. Ибо что отсѣчено, то отдѣляется отъ первоначала. А что произошло чрезъ сообщеніе и приняло свободное служеніе, то не уменьшаетъ того, отъ чего произошло. Какъ отъ одного факела зажигается много свѣчей, и притомъ свѣтъ перваго факела не уменьшается отъ множествъ многихъ факеловъ: такъ и Слово, происшедшее отъ могущества Отца, не лишено Родителя Слова и проч.

Устроено міръ и все твореніе произошло изъ вещества. Это вещество, сотворенное Богомъ, было въ первоначальномъ состояніи грубо и необразовано; а по раздѣленіи элементовъ сдѣлалось украшеннымъ и благоустроеннымъ. Весь міръ состоитъ изъ этого вещества: и небо и звѣзды и земля со всѣми предметами, находящимися на ней; все имѣетъ одинаковый составъ, одинаковое происхожденіе.

«Не смотря на то, есть безконечное различіе между вещественными тварями, и въ тоже время удивительная между ними гармонія. Отъ чего это происходитъ? Отъ того, что Творцу угодно было оживить этотъ міръ посредствомъ «вещественнаго духа», который даровалъ и звѣздамъ и ангеламъ и растеніямъ и людямъ и животнымъ; словомъ, вездѣ онъ присутствуетъ и дышетъ».

Кромѣ вещественнаго духа есть духъ невещественный, который составляетъ образъ и подобіе Божества. Этотъ Духъ

не вездѣ присутствуетъ, но сообщается только разумнымъ существамъ, ангеламъ и человѣкамъ»¹⁾).

Сравнивая это ученіе Татіана съ ученіемъ его наставника— Иустина, нельзя не замѣтить, что первое служить распространеніемъ и пополненіемъ послѣдняго²⁾; а потому несправедливы тѣ, кои указываютъ «иной» источникъ мыслей разсматриваемаго нами философа.

Если Татіанъ называетъ Господа «основаніемъ всего, субстанціею видимаго и не видимаго»; то, признавая Бога творцемъ и промыслителемъ міра, онъ не могъ дать другаго смысла этимъ выраженіямъ, кромѣ того, который давалъ имъ св. Иустинъ, т. е. онъ вѣроятно хотѣлъ выразить мысль апостола: «въ томъ живетъ всего исполненіе Божества тѣлеснѣ (Кол. 11, 9); иже сый сіяніе славы и образъ вѣчности Его, нося же всяческая глаголомъ силы своея» (Евр. 1, 2, 3).

Конечно, нельзя не замѣнить того, что Татіанъ говоритъ не ясно о Богѣ, покланяемомъ въ св. Троицѣ. «Господь всего, будучи основаніемъ всего, прежде сотворенія міра былъ одинъ». Изъ этихъ словъ выводять то заключеніе, что Татіанъ не признавалъ Бога существовавшимъ отъ вѣчности въ трехъ лицахъ.—Но дабы видѣть истинный смыслъ подобнаго выраженія, надобно вспомнить, что Татіанъ непосредственно предъ этимъ нападалъ на языческій политеизмъ, и доказывалъ, что христіане поклоняются «единому» Богу, творцу неба и земли. Заговорить тотчасъ о совѣчномъ существованіи Сына, значило подать поводъ язычникамъ думать, что христіане допускаютъ дуализмъ. Итакъ онъ прежде всего ставитъ такое выраженіе, которое показывало бы, что все произошло отъ единого высшаго начала, и потому какъ-бы представляетъ Бога совер-

¹⁾ См. гл. 4, 5, 12.

²⁾ Объ ученіи Иустина см. Янв. 1866 г.

иногда единичнымъ. Но что онъ былъ увѣренъ въ совѣчномъ существующи́и Сына Божія съ Богомъ Отцемъ, показываютъ слѣдующія слова его: «послику Онъ есть сила и основаніе видимаго и не видимаго, то вмѣстѣ съ Нимъ было все; съ Нимъ существовало, какъ разумная сила, и само Слово, бывшее въ Немъ».

Ученіе Татіана о вещественномъ духѣ, разлитомъ по вѣмъ предметамъ міра, обыкновенно почитаютъ ¹⁾ сходнымъ съ ученіемъ Платона и Стоиковъ о душѣ міра.—Но оно было бы тогда сходно, если бы апологетъ не отдѣлилъ этого духа отъ Духа божественнаго, если бы отождествилъ божественную жизнь съ жизнью природы. Но Татіанъ неоднократно говоритъ, что матерія «сотворена», и даже высказываетъ свои мысли объ этомъ предметѣ довольно рѣзко, такъ что не безъ основанія предполагаетъ, что онъ направилъ ихъ противъ ученія языческихъ философовъ о вѣчности матеріи. «Наше понятіе, писавъ онъ, неумѣстно сравнивать съ ученіемъ тѣхъ, кои погружены въ вещество и нечистоту.. Матерія не безначальна, какъ Богъ, и не имѣетъ власти равной съ Богомъ; но она получила начало, и не отъ кого нибудь другаго произошла, а произведена единымъ Творцемъ всего» ²⁾.—Хотя и Татіанъ называетъ этотъ матеріальный духъ «душею міра»; но почитаетъ его низшимъ божественнаго Духа, почитаетъ живущимъ во вѣхъ предметахъ міра и дѣйствующимъ различно: тогда какъ божественный Духъ, по его ученію, сообщается только некоторымъ, дабы они могли возвышаться надъ матеріей. Духъ, проникающій матерію, говоритъ онъ, ниже божественнаго Духа; и такъ какъ онъ унождается душѣ, то недостойно почти одинаковой съ совершеннымъ Богомъ» ³⁾.

¹⁾ Иор. Вретшнейдеръ, Кругъ.

²⁾ Гр. 21, 5

³⁾ 4

Ученіе Татіана о челоуѣкѣ.

«Человѣкъ есть плоть, но плоть одушевленная. Строеніе тѣла представляетъ одинъ составъ, и имѣеть одну и ту же причину своего существованія; не смотря на то, есть между частями его различіе по достоинству: иное—глаза, иное—уши, иное—украшеніе волосаиное, составъ внутренностей, мозговъ, костей и нервовъ; и при такомъ различіи частей тѣла въ общемъ составѣ его паходится величайшая гармонія. Это указываетъ на присутствіе въ нашемъ тѣлѣ вещественнаго духа, или души»¹⁾.

Суди по этому описанію, въ которомъ апологетъ высказываетъ свое удивленіе къ чудному устройству тѣла челоуѣческаго, можно бы ожидать, что онъ истощится въ похвалахъ душѣ, служащей причиною столь чудной гармоніи. Но Татіанъ—напротивъ—имѣеть самый мрачный взглядъ на душу.

Онъ не почитаетъ ее существомъ простымъ, не беретъ во вниманіе того, что душа, при всѣхъ измѣненіяхъ тѣла, остается неизмѣнною, и всегда сохраняетъ свою личность. Тотъ фактъ, что она живетъ въ тѣлѣ и въ различныхъ членахъ является различно, заставляетъ его заключать, что она состоитъ изъ многихъ частей и образована такъ, что иначе не можетъ являть своего существованія, какъ только посредствомъ тѣла, для котораго служить связію. Источникъ этой души, ея дѣйствія и судьба таковы же, какъ и всякой души животной: «она имѣеть земное происхожденіе; сама по себѣ не что иное какъ тьма, и нѣтъ въ ней ничего свѣтлаго; по природѣ своей не бессмертна, но смертна и способна къ разрушенію»²⁾.

«Но кромѣ этого вещественнаго духа есть въ челоуѣкѣ духъ невещественный, въ которомъ состоитъ образъ и подобіе

¹⁾ Гл. 12.

²⁾ — 13, 15.

Божіе. Въ началѣ этого духъ обиталъ вмѣстѣ съ душою, такъ что першася люди состояли съ одной стороны изъ вещества, а съ другой были выше его. Но теперь Духъ Божій не во всѣхъ присутствуетъ; Онъ пребываетъ только въ нѣкоторыхъ, праведно живущихъ людяхъ, и соединясь съ ихъ душою, посредствомъ окрещеній возвѣщаетъ и прочимъ людямъ о сокровенныхъ вещихъ. Это есть та сила, которая просвѣщаетъ душу, служить для нея путеводителемъ и дѣлаетъ ее безсмертною» ¹⁾.

Итакъ, по ученію Татіана, человекъ состоитъ собственно изъ двухъ частей: тѣла и души. Между этими двумя частями онъ признаетъ неразрывную связь, и потому доказываетъ, что существованіе души не мыслимо безъ существованія тѣла. Что же касается третьей и высшей части существа нашего, т. е. духа, то Татіанъ совершенно отдѣляетъ ее отъ прочихъ частей. По его мнѣнію, духъ сообщается только нѣкоторымъ людямъ, и самъ можетъ быть и не быть въ человекѣ. «Человекъ, говоритъ онъ, можетъ и не имѣть въ себѣ духа; а не имѣющіи духа, превосходятъ животныхъ только членораздѣльными звуками; во всемъ же прочемъ образъ жизни его такой же, какъ у нихъ,—и онъ не есть уже подобіе Божіе» ²⁾.

Какая причина такого раздѣненія и униженія природы нашей? Надеписъ, отвѣчаетъ Татіанъ. «Слово сотворило человека во образъ безсмертія, дабы какъ Богъ безсмертенъ, такъ и человекъ, получившій причастіе Божества, имѣлъ также и безсмертіе; но демоны, дошедшіе до крайней степени злобы, обольстили невѣдѣніемъ и пустыми вымыслами души наши, отлучивши отъ Духа Божія. Когда люди послѣдовали діаволу, то могущество Слова отлучило ихъ отъ общенія съ Собою. Въ слѣдствіе этого сотворенный по образу Божію оставляется

¹⁾ С. 11. 16.

²⁾ С. 16.

высшимъ Духомъ, и дѣлается смертнымъ. Духъ совершенный окрылялъ душу; когда же душа грѣхомъ прогнала Его, то Онъ улетѣлъ, какъ птенецъ, и она упала на землю» ¹⁾).

Риттеръ видитъ въ этомъ ученіи духъ партій и расположенность къ гностическому образу мыслей. «Татіанъ думаетъ», говоритъ онъ, «что люди, не имѣющіе тѣхъ убѣжденій, какія онъ имѣетъ, совершенно лишены божественнаго Духа, и не могутъ имѣть никакого участія въ выснемъ освященіи. Эти люди, говоритъ Татіанъ, и языкомъ и виѣшнимъ видомъ отличаются отъ насъ; они не истинные люди. Такимъ образомъ онъ хочетъ составить новое общество, которое не должно имѣть никакого духовнаго общенія съ прочими людьми, которое должно руководиться своими собственными законами и правилами. Это различеніе людей на имѣющихъ и не имѣющихъ божественнаго Духа, не подобно ли тому различенію, которое дѣлала древность между греками и варварами? Нѣтъ сомнѣнія, что гностическія идеи повторяются здѣсь съ маловажнымъ измѣненіемъ» и пр. ²⁾).

Такое сужденіе обидно для Татіана.—Что взглядъ этого апологета христіанства мраченъ и безотраденъ для не исповѣдующихъ христіанской религіи,—въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но что заставило его имѣть такой взглядъ? Это другой вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ гораздо снисходительнѣе, нежели какъ рѣшаетъ его Риттеръ.

Татіанъ, пиша свою рѣчь противъ грековъ, еще не былъ зараженъ гностическою ересью. Устанавливая различіе между душевнымъ и духовнымъ челоуѣкомъ, онъ хотѣлъ, какъ кажется, слѣдовать апостолу Павлу; но не будучи опытенъ въ изъясне-

¹⁾ Гл. 7, 14, 20.

²⁾ Qesch. d. Phil. V, 342.

или испения, и при неприятии ко всему языческому, не понимая надлежащимъ образомъ словъ апостола.

Апостолъ перѣдко дѣлаетъ различіе между душевнымъ и духовнымъ человекомъ: «мы пріяхомъ», напр. говоритъ онъ, «Духа, иже отъ Бога, да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ» (1 Кор. II, 12); душевный человекъ не приемлетъ яже отъ Духа Божія, духовный человекъ востязуетъ вся, а самъ той ни отъ единого постигается» (Рим. VIII, 5; 1 Кор. II, 14. 15). Судя по глгози рѣчи, апостолъ подъ именемъ Духа разумѣетъ Духа Святаго; но Татіану могло показаться, что здѣсь разумѣется высшая способность души. Апостолъ, говоря о дѣйствіяхъ Духа Святаго, не отрицаетъ въ человекѣ способности къ принятію этого Духа; и хочетъ сказать только, что есть люди, которые или бы не желаютъ общенія съ Духомъ Святымъ, противятся Ему; и въ объясненіи Татіана слышится, что есть люди, которые существенно состоятъ изъ двухъ частей: души и тѣла,— притомъ же, въ духѣ, сообщается только нѣкоторымъ, и притомъ каковымъ по чудомъ. Онъ не взялъ во вниманіе того, что апостолъ подъ именемъ души перѣдко разумѣетъ чувственность, или лучше—низшее жизненное начало, руководясь которымъ человекъ можетъ до такой степени заглушить въ себѣ высшую способность, что будетъ занятъ только земными интересами, а о выснемъ и божественномъ и не подумаетъ. Татіанъ вездѣ подъ именемъ души хочетъ разумѣть основаніе существа нашего, и потому относитъ къ нему все тѣ недостатки, которыя въ св. писаніи приписываются душѣ животной, чувственной.

Скажутъ, можетъ быть, что и гностики старались доказать, что въ раздѣленіи людей на душевныхъ и духовныхъ, они слышатъ ап. Павлу. Не могъ ли и Татіанъ подобнымъ образомъ злоупотребить словами апостола.—Но у гностиковъ была одна цѣль, а у Татіана другая. Гностики, дѣлая указан-

ное различіе, хотѣли составить свое общество, входъ въ которое былъ бы для другихъ почти невозможенъ. Съ ученіемъ гностиковъ о раздѣленіи людей на душевныхъ и духовныхъ, тѣсно соединялось ученіе о существенно добрыхъ и существенно злыхъ людяхъ. Одни, по мнѣнію Валентиніана, способны приять сѣмя божественнаго Духа; а другіе не способны, и потому по природѣ злы. Первые безъ труда достигнуть царствія небеснаго, потому что вѣра дана имъ природой, а по дѣйствіямъ своимъ они стоятъ выше всякаго закона; послѣдніе же, будучи назначены природой къ гибели, находятся подѣ игомъ закона, и могутъ не иначе поступить въ число избранныхъ, какъ только путемъ ужасныхъ и продолжительныхъ испытаній.—Совеѣмъ не такъ разсуждаетъ Татіанъ: «не будьте», пишетъ онъ, «эллины, враждебно расположены къ варварамъ, и не питайте ненависти къ ихъ ученіямъ.. Примите наши догматы по крайней мѣрѣ такъ, какъ вы принимаете астропомическія предсказанія вавилонянъ; послушайте нашихъ словъ, какъ вы слушаете пророчествующаго дуба.. Зачѣмъ вы присвояете мудрость только себѣ, тогда какъ вы не имѣете ни другаго солнца; ни другаго восхода звѣздъ, ни лучшаго происхожденія, ни даже смерти, отличной отъ другихъ людей?.. Долженъ быть одинъ и общій для всѣхъ образъ жизни»¹⁾.—Эти слова показываютъ, что апологетъ думалъ не объ отдѣльномъ обществѣ; а о томъ, чтобы всѣ люди составили одно общество, христіанское. Для того же, чтобы указать язычникамъ самыя сильныя побужденія къ припятію христіанства, онъ старается какъ можно рельефнѣе представить блага, дарованныя намъ Іисусомъ Христомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что желая показать противоположность между духовными и душевными, онъ отнимаетъ у послѣднихъ

¹⁾ Гл. 1, 12, 26, 28.

много природныхъ преимуществъ; но все же онъ не до такой степени унижаетъ душу, какъ гностики, которые отнимали у душесныхъ и свободу и способность богопознанія.

Татианъ очень хорошо понималъ, что если отнять у человека свободу, тогда невозможны ни истина ни ложь, ни добро ни зло, тогда не будутъ имѣть никакой силы ни заповѣди, ни наказанія, ни награды, и слѣд. тогда невозможно и думать объ обращеніи грѣшника на путь истинный. А потому неудивительно, что онъ является врагомъ стоическаго ученія и судьбѣ и гностическаго о предопредѣленіи. «Человѣкъ, каковъ бы онъ ни былъ, всегда имѣеть свободу поступать такъ или иначе. Ангелы и люди созданы свободными, и не по естеству добрыми, потому что это принадлежитъ одному Богу; люди могутъ двигаться добрыми по свободному опредѣленію воли своей, такъ что почетливый по справедливости будетъ наказанъ, потому что сдѣлалъ худымъ чрезъ себя, а праведникъ по достоинству получитъ похвалу за добрыя дѣла, потому что онъ по свободѣ своей не преступалъ воли Божіей» 1).

Но такъ какъ язычники, которымъ проповѣдовалъ Татианъ это ученіе, не могли принять его, будучи предзаняты мыслью о судьбѣ, то апологетъ почелъ нужнымъ выставить всю нелѣпость этой мысли. «Какимъ образомъ, говорилъ онъ, я могу допустить рожденіе по судьбѣ, когда нѣтъ ея? Не хочу царствовать, не желаю быть богатымъ, отказываюсь отъ военачинства, не пью блудъ; не замышляю плавать на кораблѣ ради пеннагентной жадности, не вступаю въ борьбу для получения вѣнцовъ; я свободенъ отъ безумнаго честолюбія, презираю смерть, и выше всякаго рода болѣзни, печаль не свѣдаетъ моея души. Если я рабъ, сношу рабство; если свободенъ, не утрачиваю благородствомъ своимъ. Я вижу, что одно

и тоже солнце для всѣхъ, что одна смерть постигаетъ всѣхъ, живетъ ли кто въ удовольствіяхъ или въ бѣдности. Богатый сѣть и бѣдный пользуется тѣмъ же посявомъ. Богачи умираютъ, такой же исходъ жизни имѣютъ и нищіе. Богатые нуждаются въ очень многомъ, хотя пользуются довѣренностію и честію; а бѣдный и умѣренный легче достигаетъ того, чего онъ желаетъ для себя. Что за судьба такая, что ты не спишь ночей ради сребролюбія? Что за судьба, что ты умираешь всякій разъ, какъ предаешься похотямъ? Умри для міра, отвергни его безуміе; живи же для Бога, и познавъ Его отвергни древнее рожденіе. Мы сотворены не для того, чтобы умирать, но умираемъ по своей винѣ. Свободная воля погубила насъ; бывши свободными, мы сдѣлались рабами, продали себя чрезъ грѣхъ. Богомъ ничего худаго не сотворено,—мы сами произвели зло; а кто произвелъ его, можетъ снова и отвергнуть»¹⁾.

Весьма просто излагается здѣсь ученіе о свободѣ, доказательства уноутребляются *ad hominem*; но Татіанъ говоритъ такъ вѣрно и искусно, что его слова могутъ назваться драгоценнымъ достояніемъ христіанской литературы.

Не отрицаетъ Татіанъ въ падшемъ человѣкѣ и способности познанія. Онъ былъ убѣжденъ, что и въ грѣшной душѣ, которая не захотѣла слѣдовать божественному Духу, а потому оставлена Имъ, еще осталась искра прежняго свѣта, такъ что человѣкъ хотя не можетъ познать истиннаго Бога, и выдумываетъ боговъ ложныхъ; но можетъ всегда понять, что уклонился отъ прежняго единенія съ божественнымъ Духомъ, и имѣть возможность принять божественное откровеніе. «Душа удержала въ себѣ нѣкоторыя искры могущества Духа, хотя отдѣлившись отъ Него, и не можетъ созерцать высшихъ идей.

¹⁾ Гл. 11.

Отъ насъ не сокрыто существующее въ мірѣ, и божественное усвоваемо для насъ ¹⁾.

Если же человѣкъ имѣетъ свободу воли и способность познания, то значитъ грѣхъ не до такой степени раздробилъ существо человѣческое, чтобы не осталось въ насъ возможности для постиженія падшаго, для возвращенія первобытнаго состоянія. - Природа зла; но она сходна съ природою самыхъ милыхъ свѣдѣнь; т. е. хотя зло усиливается отъ малаго съ нашей стороны повода, но за то можно и опять его разрушить, если мы увѣруемъ словамъ Божиимъ и не будемъ небрежны. Кто побѣжденъ, тотъ можетъ опять побѣдить. Если человѣкъ, состоящій изъ тѣла и души, будетъ держать себя на подобіе камня; то Богъ благоволитъ обитать въ немъ чрезъ Духа, Имъ посланнаго. Итакъ мы должны тѣлесно заботиться о томъ, чтобы соединить свою душу съ Святымъ Духомъ и вступить въ союзъ съ Тѣломъ. Мы должны желать прежняго состоянія и бросить все, что этому препятствуетъ ²⁾.

Но есть другое замѣчаніе у Риттера касательно философа Татіана, которое надобно признать совершенно вѣрнымъ, — а именно что Татіанъ отвергалъ духовность и безсмертіе души.

Исправно стали бы мы усиливаться доказывать, какъ это и дѣлаютъ нѣкоторые писатели ³⁾, что Татіанъ въ своихъ выраженіяхъ о природѣ души увлекается горячію своего характера, что онъ вовсе не то хочетъ сказать, что говорить, и по некой вѣроятности подъ именемъ смерти души разумѣетъ смерть «духовную», т. е. лишеніе божественной благодати. Искренніе защитити Татіана, даже указываютъ на другія

¹⁾ 10, 10

²⁾ 10, 11, 11

³⁾ Навр. Фрэнк. и

мѣста въ его апологіи, гдѣ будтобы онъ иначе отзывается о душѣ.

Но на дѣлѣ далеко не такъ. Что Татіанъ иногда заговаривается, и потомъ, какъ-бы одумавшись, исправляетъ себя,— это замѣчала еще древность. Но касательно природы души и состоянія ея по смерти тѣла ученіе его, если разсмотрѣть внимательно, всегда одинаково и неизмѣнно. Да могло ли бытъ иначе, если онъ былъ глубокого убѣжденъ въ томъ, что душа имѣетъ источникъ свой въ вещественномъ духѣ, и не есть существо простое? При такомъ взглядѣ на природу души не мыслимо личное существованіе ея по смерти тѣла. Только демонамъ по мнѣнію Татіана, не легко умереть; потому-что они не облечены плотію и имѣютъ природу духовную, созданную на подобіе огня или воздуха ¹⁾. Но человѣческая душа матеріальна и слѣдовательно способна къ разрушенію.

То правда, что Татіанъ называетъ иногда душу «безсмертною». Даже этого мало. Онъ порицаетъ тѣхъ философовъ, которые колебали безсмертіе души, какъ напр. Аристотель, и—въ противоположность имъ—доказываетъ, что человѣкъ безсмертенъ не только по душѣ, но и по тѣлу: «нѣкоторые, пишутъ объ, приписываютъ безсмертіе одной душѣ, а я и тѣлу вмѣстѣ съ душею» ²⁾. Но въ какомъ смыслѣ? Не то хочеть сказать Татіанъ, что душа будетъ продолжать личное существованіе по смерти тѣла; а то, что она не на вѣчность разлучится съ тѣломъ, что настанетъ день, когда всемогущій Судія воскреситъ ея вмѣстѣ съ тѣломъ. «Когда я, не существуя прежде рожденія, не зная, кто я былъ, я только пребывалъ въ сущности плотскаго вещества, а когда я, не имѣвшій

¹⁾ Гл. 15.

²⁾ — 25.

прежде сына, родился, то самымъ рожденіемъ удостовѣрился въ своемъ существованіи; такимъ же точно образомъ я родившійся, чрезъ смерть переставая существовать и быть видимымъ, опять буду существовать, по подобію того, какъ нѣкогда меня не было, и потомъ родился» 1). Здѣсь какъ нельзя лучше выражена мысль о томъ, что личное существованіе души превращается со смертію тѣла; и слѣд. нельзя скрыть того, что Татианинъ, зная недавно просвѣщенный христіанствомъ, еще не возманился до того вѣрованія нашей церкви, что святыя живутъ и по смерти тѣла и своими молитвами вспомооществуютъ вѣрующимъ.

Но строгія духовность и личное существованіе души по смерти тѣла, Татианинъ былъ глубокаго убѣжденъ въ бытіи міра вышшаго и въ томъ, что человекъ не уничтожится, но воскреснетъ для новой жизни. Мы должны помнить, говоритъ онъ, что кромѣ этого міра есть міръ вышній, который не знаетъ порожденія и гибели, но имѣетъ сдѣлающее воздуха, постоянный жезъ, и свѣтъ недоступны для здѣшнихъ людей. Мы вѣруемъ, что по означеніи всего будетъ воскресеніе тѣлъ,—не такъ тѣла учить стоици, но мнѣнію которыхъ послѣ нѣкоторыхъ периодовъ времени одни и тѣже существа всегда являются и получаютъ безъ всякой пользы,—но однажды, по исполненіи нашихъ вѣковъ, и единственно ради восстановленія человечества для суда... Пусть огонь истребитъ мое тѣло, но міръ приметъ это вещество, разсѣявшееся подобно пару; пусть потону и въ рѣкахъ или моряхъ, пусть буду растерзанъ звѣрями, но я сокроюсь въ сокровищницѣ богатаго Господа. Богъ, когда захочетъ, восстановитъ въ прежнес состояніе сущность, которая видима для Него одного» 2).

1) С. 9.

2) С. 10.

Почему необходимо возстановленіе человѣка? Потому что этого требуетъ законъ правды божественной. Въ нравственномъ мірѣ мы не видимъ желаннаго порядка. Въ здѣшней жизни нерѣдко добрый человѣкъ страдаетъ, а злой блаженствуетъ. Неужели же Тотъ, Кто вложилъ въ наше сердце чувство справедливости, самъ содѣлается виновникомъ несправедливости? Неужели злодѣй, проливающій потоки крови человѣческой, не будетъ никогда наказанъ? Неужели св. мученики за свои ужасныя страданія не получаютъ никакой награды. Нѣтъ, Богъ есть всемогущій и всеправедный Судія! Если Онъ дозволитъ, чтобы въ этомъ мірѣ было смѣшеніе благъ и несчастій,—то никогда не попуститъ, чтобы одинаковая участь постигала вѣрнаго исполнителя закона и ужаснаго преступника. «Душа грѣшная и незнающая истины, хотя умираетъ и разрушается вмѣстѣ съ тѣломъ, но нѣкогда подвергнется нескончаснымъ мученіямъ; но душа праведная и просвѣщенная познаніемъ Бога, не умретъ, хотя и разрушается на время: божественный Духъ—рано или поздно—возведетъ её туда, куда восходить самъ» ¹⁾.

Итакъ въ этой «рѣчи», собственно говоря, еще нѣтъ гностическихъ заблужденій. Татіанъ ясно говоритъ, что матерія сотворена, и приписываетъ сотвореніе ея истинному Богу, ясно учитъ, что въ созданной Богомъ природѣ нѣтъ ничего злаго, и на этомъ основаніи доказываетъ воскресеніе тѣла и воплощеніе Сына Божія. Его мысли о происхожденіи зла и свободѣ воли, которую имѣетъ не только надній, но и самый развращенный человѣкъ, вполне достойны подражанія.

Въ апологін Татіана можно замѣчать только неумѣренность, шаткость. Его страстное желаніе представить христиан-

¹⁾ Гл. 13, 16.

себя предметы такъ можно вынудить и поразителнѣе, едѣлаю то, что предметы естественные кажутся униженными до нелзя. Но будучи разумно проникнуть христіанской религіей, и дивя въ такое время, тогда еще не были установлены опредѣленныя формы въ ея выраженіи всѣхъ христіанскихъ идей, онъ употребилъ выраженія, какія попадались подъ руку. Само собою разумно, что онѣ не всегда были удачны; а потому онъ долженъ былъ или исправлять ихъ или объяснять, желая не показаться неправославнымъ.

Но не почитая этого сочиненія еретическимъ, мы однакоже не можемъ не замѣтить того, что въ немъ проглядываетъ важный недостатокъ нравственный. Желчныя остроты Татіана противъ греческой литературы и его презрительный взглядъ на душу непроявленную христіанствомъ, показываютъ, что онъ не былъ свободенъ отъ символизма и гордости, этого вѣчнаго искушенія духа не побѣжденного.

Гордость и похоти его. Огорченный тѣмъ, что зло дѣйствуетъ и въ ученикахъ евангелія, онъ ищетъ причины зла въ матеріи. Но если матерія не чиста; то какъ всевышній Богъ могъ соприкоснуться съ нею, не занявша своей святости? Не слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ приписать твореніе матеріи существу, инакому Богу? Отвѣтъ на подобные вопросы былъ готовъ въ системѣ Валентина, котораго и избираетъ Татіанъ своимъ изъяснителемъ. По примѣру этого ересиита, онъ начинаетъ терминъ въ мечтаніяхъ объ эонахъ, эманации; а для того, чтобы устранить мысль о влияніи матеріи на Иисуса Христа, представляетъ воплощеніе Его фантастическимъ явленіемъ. Облеченный ревностію, онъ потомъ заходитъ еще въ Павлинѣ, Смѣшая евангельскіе совѣты съ заповѣдями, онъ вслѣдствіе требовать отъ всѣхъ такого совершенства, какое возможно только для нѣкоторыхъ; запрещаетъ употре-

бленіе мяса, вина, и смотреть на бракъ, какъ на источникъ нравственной порчи, изобрѣтеніе діавола, — словомъ, дѣлается представителемъ секты энкратитовъ.

Такимъ образомъ этотъ даровитый писатель, такъ ревностно служившій христіанству, навсегда потерявъ для церкви православной.

К. Скворцовъ.

